

Р 33974

РАДУТЕ
СТИИЕНСКИЙ

ЗЕЛЕНЬИЙ
МЕЧ

ДЕТГИЗ 1946

РАДУЛЕ
СТИЙЕНСКИЙ

ЗЕЛЕНЬКИЙ МЕЧ

ИЛИ
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ТОМАША СТАРШЕГО,
С МАЛЫМИ — МАЛОГО,
С ВЕЛИКИМИ — ВЕЛИКОГО,
ПРОСЛАВЛЕННОГО
ПРАВТЕЛЯ
ЧЕРНОГОРИИ

Перевел с сербского
Арсений Тарновский

РИСУНКИ И ОВЛОЖЕНИЯ И. ШАБАНОВА

Государственное издательство детской литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва • 1948 • Ленинград

Радуле Маркович (литературный псевдоним — Стийенский) родился в Черногории в 1903 году. В СССР проживает с 1927 года. Из произведений Радуле Стийенского мы рекомендуем нашему читателю прочесть „Черногорские сказки“ (в Детиздате вышло два издания: первое в 1936 году, второе — более полное — в 1938 году) и повесть „Костер“ (Детиздат, 1941 год).

Сказка „Зеленый меч“ написана до Великой отечественной войны. В сказке рассказывается, как Томаш Старший овладел волшебным оружием, защитил свой народ от иноземных захватчиков, победил злого огнекрылого змея и освободил свою невесту Войславку.

Свои отзывы об этой сказке направляйте по адресу: Ленинград, Внутри Гостиного Двора, 55, Лендетгиз.

Сказка первая

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТОМАША СТАРШЕГО

Море, море, синее море!

Подымают паруса матросы,
Покидает бухту бригантина,
И бежит за ее кормою
Легкая серебряная пена.

С бригантины весь берег виден:
Островерхие розовые скалы,
Башни, пристани, магазины,
Памятники, рынки, бульвары
И дома, окруженные садами.

Достигая крыш черепичных,
Зеленеют вьющиеся розы,
Расцветают в городе каштаны;
Шпили зданий сверкают, словно
Сотни светлых клинков на параде;
Стекла дальних окон играют,
Точно грани камней драгоценных.

До свиданья, берег, до свиданья!
Быстроходная бригантина
Покидает бухту надолго,
Легкокрылая бригантина
Отплывает в далекие страны;
Провожающие — на прощанье
Машут шляпами и платками.

Море, море, синее море!

Молодые дельфины играют,
И бегут широкие волны,
И летают белые чайки,
Паруса задевая крылами.

До свиданья, берег, до свиданья!
Мы плывем в чудесные страны;
Открываются такие просторы,
Что нельзя их взором окинуть.
Мы увидим дивные дива,

Вилы¹ нас бояться не будут,
Речь зверей нам станет понятна;
Мы участвовать будем в сраженьях,
Мы оденемся в медные латы,
И доспехи мертвых юнаков²
Нам сослужат верную службу.

Открываются дальние дали,
Точно книга волшебных сказок.
Начинается повесть о Тоше,
О скитальце Томаше Старшем,
Об известном Томаше черногорском,
О великом цетинском владыке.

Мы своими глазами видали
Все, что с ним приключалось в жизни,
Хоть недолгой, но славной жизни.
Мы всему свидетелями были,
Одного мы только не знаем:
Как его настоящее имя,
Кто он родом, откуда он взялся,
Как в стране черногорской появился.
Мы своими ушами слышали
Столько разных сплетен об этом,
Что не знаем, кому поверить.
Все, что люди нам говорили,
Перескажем тебе.
Ты слушай.

¹ В и л а — добрая волшебница.

² Ю н а к — богатырь.

Говорят, что было на свете
Некое цыганское племя,
Кочевавшее непрестанно
По широким турецким землям.
Славно жили цыганы и цыганки —
Медники,
Паяльщики,
Коновалы,
Удалые вожаки медведей,
Ловкие плясуны и плясуньи,
Музыканты,
Певцы и певицы,
Знаменитые гадальщицы на картах.
И однажды турецкому султану
Молодая цыганка ворожила,
Говорила, раскладывая карты:
— Ой-ой-ой, султан-повелитель,
Вижу время, когда цыганенок
Одолеет султанского внука;
Ой-ой-ой, он задаст ему жару,
Приготовит из него жаркое!
Будь добрей, не скупись, красавец,
Золоти мне правую ручку! —
Тут от злости султан затрясся,
Натравил собак на цыганку,
И собаки ее разорвали.
Повелел султан янычарам
Гнать цыган до самой границы,
И потом по земле черногорской
Кочевало цыганское племя.

Но, ступив на прекрасную землю,
Опьянели кочевники от счастья,
Потеряли они дыганенка,
Сына малого бедной гадалки.
Поискали, не отыскали,
Без ребенка отправились в дорогу.
А нашла его черногорка,
Виноградаря жена молодая.
И взяла его, и обласкала,
Молоком черногорским вскормила,
И дала ему имя Томаш.

Говорят, что дыганенок Тоша
Делу виноградарей учился,
А в пятнадцать лет ушел из дома.
Говорят — он и есть тот самый
Томаш Старший, с малыши — малыи,
О котором я повествую.
Впрочем, это не достоверно.

Говорят, что рыбаки однажды
Златоперую рыбу варили
На высоком берегу Златицы;
Не скупясь, начистили рыбы
И в котел ее положили,
И посыпали крупной солью,
И приправили красным перцем.

Тут сказал один рыбак другому:
— Ты меня помоложе, Марко,
Принеси воды полведерка!—

Возвратился Марко с водою,
Разгорелось трескучее пламя,
Синим вспыхнуло и погасло.
Не успел котел раскалиться,
Как вода из котла испарилась,
Подгорелой рыбой запахло.
Сняли наземь котел чугунный,
И сказал один рыбак другому:
— Ты меня помоложе, Марко,
Принеси нам воды ведерко! —
Возвратился Марко с водою,
И стоит с закрытыми глазами,
Говорит он, будто спросонок:
— Над Златицей гусли играют,
А в Златице вьются водяницы,
Издали приближается лодка,
Нет, не лодка — бабочкино крыльце. —
Рыбаки посмеялись над Марко
И поставили рыбу вариться.
И опять во мгновение ока
Из котла вода испарилась.
Говорит один рыбак другому:
— Ты меня помоложе, Марко,
Принеси воды два ведерка,
Одного ведра нехватает! —
Возвратился Марко с водою,
Говорит рыбакам:

— Поглядите,
Поглядите на быстрые волны,—
К нам плывет золотой кораблик,

Не кораблик, а белый лебедь! —
И опять рыбаки посмеялись,
И опять во мгновение ока
Из котла вода испарилась,
Белым облачком улетела.
Говорит один:

— Что за диво!

Ты меня помоложе, Марко,
Принеси четыре ведерка! —
— Не могу, — отвечает Марко, —
Две руки у меня, и только,
Да и те как веревкой связала
Синим взором вила речная. —
Рыбаки спустились к Златице,
А над ними небо мерцает,
Не поймешь:

То свет,

Или голос,

Или волосы вила воздушных?

И шумит река, извиваясь,

И несет рыбакам подарок.

Тут воскликнул один в нетерпении:

— Что несешь нам, скажи, Златица?

Иль тебе албанские колдуны

Поручили свое достоянье,

И несешь ты в лодке долбленной

Ведовством нажитые деньги? —

А второй сказал:

— Это улей,

Это улей пчелиный, полный

Золотого, прозрачного меда.—

Третий молвил:

— Вы все одурели!

Белены вы, что ли, объелись?

Это самая простая коряга.—

И вошли по колено в воду

Рыбаки — их двенадцать было —

И корзинку, плетенную из ивы,

На высокий вынесли берег.

А в корзине лежал младенец

В голубых тончайших пеленках.

И его рыбаки воспитали,

Научили забрасывать сети,

Подымать паруса косые,

Петь рыбацьи негромкие песни.

Говорят, что это был Томаш,

О котором я повествую.

Но и это, быть может, неправда.

Говорят, что на Капе-Мораче,

На высокой горе черногорской,

Есть такая большая пещера,

Что гранитный город Цетинье

Мог бы в ней целиком поместиться.

Там, под сводами тайной пещеры,

Днем и ночью плещут фонтаны

И струятся ручьи золотые;

Изумруды и хризолиты

Освещают ребристые своды;

Пауки из нитей жемчужных
Бесконечные лесенки вяжут.
А в просторном этом жилище
Обитают горные вилы,
Босоножки с огромными глазами,
Круглыми, как блюда для варенья,
Модницы в шелковых алинах,¹
С волосами травы зеленее.
Всем известно, что горные вилы
Только девочек-вил рожают,
А уж если родится мальчик,
То его от груди материнской
Отлучают вилы-гордячки,
Потому что эта пещера
Колдовское женское царство,
И вовеки мальчик не сможет
Стать, как девочка, вилой горной.

Говорят, что чабан² какой-то
Целый день карабкался по скалам
В поисках овцы убежавшей.
Все ему казалось, что слышит
Блеянье овечье над собою,
Все ему казалось, что слышит
Топот маленьких овечьих копытцев.
Так добрался он до пещеры,
И оттуда пенье услышал,

¹ А л и н а — верхняя одежда, открытая на груди.

² Ч а б а н — пастух.

И жужжанье прялки,
И шорох
Легких крыльев,
И трепет шелка.
Тут рванулся ветер из пещеры,
Полетели обрывки муслина,
Лепестки безуханных лилий,
Лоскутки молочной вуали,
Из туманов нагорных тканной.
Закружились жемчужные нити,
И спустился к ногам чабана
Нежный ворох тончайших кружев.

И промолвил из пещеры голос:
— Отдаю тебе милого сына,
Отдаю тебе мальчика Тошу —
Вилиненка — на воспитанье;
Пусть он вырастет в дымном селеньи,
Вдалеке от родимой пещеры.
Я всем сердцем его полюбила,
Но с собой не могу оставить:
Сестры-вилы гневаться будут.—

И тогда из тончайших кружев
Поглядел на чабана седого
Большеглазый, прекрасный младенец,
И любовь к нему шевельнулась
В отгоревшем сердце чабанском.
— Вила, вила! — чабан воскликнул, —
Как, скажи мне, воспитывать Тошу? —

И шагнул к высокой пещере.
Но оттуда хлынули клубы
Раскаленного, едкого дыма,
Словно пчелы искры метнулись,
И чабан упал на колени,
Прикрывая руками ребенка.

Говорят, что маленький Тоша
Пас отары подле Морачи,
Что ему присылала мама
Каждый год по одному подарку:
То цветок, то рубашку из шелка,
То серебряный странничий посох.
Впрочем, это, пожалуй, кривда,
Только сплетня из множества сплетен,—
Ничего достоверного люди
О младенчестве Тоши не знают.
Все же нам доподлинно известно,
Что себя он считал черногорцем,
Что любил он могучую землю,
Черногорскую теплую землю.

Горы, горы, высокие горы!
Море, море, глубокое море!

Сказка вторая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
УВИДЕЛ ВОЙСЛАВКУ**

Тоша в горы пошел на охоту,
В высокие Ловченские горы,
Чтоб взглянуть на синие волны
Несравненного Ядранского моря,
По которым бегут торопливо
Корабли турецких корсаров.

Тоша в горы пошел на охоту,
Чтоб взглянуть с высоты непомерной
На Приморье, поросшее до края
Виноградной лозой и оливой.

Тоша в горы пошел на охоту,
Чтоб увидеть в лазури небесной
Тех орлов, чьи вольные жизни
Продолжаются тысячелетья.

Поднимается Тоша к вершине
В новой шапке и в новых опанках,
За плечами — дорожная сумка,
В сумке — сыр и хлеб кукурузный.

Тронет ветер кудрявые травы —
Тоша вздрогнет и шаг задержит;
Проползет змея по дороге —
Белый свет перед ним мутится.

Страшно-страшно бедному Тоше,
Он боится всего на свете,
Оглянуться назад не может,
Осторожно обходит ущелья,
Прижимая ладони к сердцу.
Зашумели древние буки,
И на темной опушке леса
Затерялся Тоша, подобно
Муравью на пшеничном поле.

Тут случилось некое чудо,
Приключилось дивное дело:

¹ О п а н к и — кожаные лапти.

Черный вихрь к небесам взбегает,
На деревья рушится с неба,
Свищут искры, молнии блещут,
И ревут великие громы.
Тоша с места сойти не может,
Закрывает глаза руками,
И душа его, как трепетлика,¹
Перед бурей склоняется долу.

Вихрь взлетел, обрушился снова,
Стосаженный дуб надломился
И упал, кусты подминая.
Тут забилося детское сердце,
Как добыча в орлином клюве.
Вскрикнул Тоша: —

Аман!² —

И рванулся
К вековому корявому буку.
Он укрылся в дупле глубоком,
Между жестких жил древесины,
Черной шерстью моха поросших.

Смотрит он из дупла, как мышонок, —
Чадный вихрь все ближе и ближе.
Вырываются с корнем деревья,
И седые гранитные глыбы,
Трепеща, сдвигаются с места.

¹ Т р е п е т л и к а — род осины.

² А м а н — слово турецкого происхождения, означающее просьбу о пощаде.

То не вихрь над лесом гуляет,
Не сухие молнии блещут,
То сражаются Див ¹ со Змеем, —
Див лукавый с Огненным Змеем.
Тоша слышит их брань и крики,
Стук когтей и скрежет зубовой.

Есть на свете клинки такие,
Что, взглянув на них, ты увидишь,
Как звенящая сталь отливает
Изумрудным, таинственным цветом.
Это значит — меч заколдован,
Наделен волшебною силой,
И ему предстоит на свете
Совершать чудесные деянья.

Змей, владелец меча такого,
После жирного, сытного обеда
Спал спокойно за облаками,
Между солнцем и месяцем бледным.
А лукавый Див потихоньку
К чердаку змеиного жилища
Лестницу высокую приставил,
И похитил клинок зеленый,
И сошел на высокий Ловчен.
Вскоре Огненный Змей пробудился,
Полетел за Дивом на землю
И вступил в великую битву
С престарелым заморским вором.

¹ Див — сказочный злой исполнитель.

Потемнело ясное небо,
Стало иссиня-черным и желтым,
Завихрился воздух воронкой, —
И пошла трескотня да грохот.
Если Огненный Змей царапнет, —
Брызжет кровь и желтое пламя;
Див щипнет — ломаются кости,
Вены лопаются от натуги.

В этой страшной борьбе ненароком
Див со Змеем меч уронили.
И вонзился клинок заповедный
В жилы буковой древесины
Перед самым Тошиным носом.

Был поистине меч зеленый
Непохож на мечи простые:
Рукоять его напоминала
Злую голову змеи медянки,
У норы пригревшейся на солнце,
А клинок, на оцупь холодный,
Обжигал огнем при ударе.

Меч вонзился в древесные жилы
И промолвил по-человечьи,
Пред собою увидев Тошу:
— Здравствуй, Томаш, земной избранник!
Ты бери меня в правую руку,
Поскорей затыкай за пояс
И беги немедля отсюда,
Чтобы Змею ты не попался,

Ибо он погонится за нами,
Чтоб меня опять заневолить.
Ты возьми меня, Томаш, с собою,
Отыщи моих братьев милых,
Отыщи волшебное оружие,
Что из пламенного метеора
В оны годы выковал Илия,
Черногорский доблестный делия!¹
Был Дурмитор² ему наковальней,
А гроза мехи раздувала.
Гори погас — и в озере Слезном
Закалил нас кузнец могучий.
И владел чудесным оружием
Знаменитый Джуро Рашович.
Я и братья мои по плоти
С достославным юнаком расстались
И лежали в ручье Дубовике,
Солью ржавчины не покрываясь.
И меня из воды студеной
Ранним утром вынесла на берег
Девочка, по имени Войславка.
Змей проклятый за нею погнался
И меня, окаянный, отнял,
А Войславка в ель превратилась.
Обернулся Змей дровосеком —
Превратилась девочка в птицу.
Дровосек стрелком обернулся —

¹ Д е л и я — красавец.

² Д у р м и т о р — высочайший пик северной Черногории.

А Войславка, спасая душу,
Мотыльком от беды улетела
И укрылась в горах Приморья.
Здесь она живет и доселе,
Колдовскими вещами владея,
Языки звериные зная,
Научившись говорить по-птичьи.
Ты со мною найдешь Войславку
И счастливую долю сыщешь.
Так бери же меня скорее,
Отправляйся в дальнюю дорогу.
Больше я не скажу ни слова,
Ибо все рассказал, что знаю.
Умолкаю теперь навеки. —

До меча дотронулся Тоша,
Приобрел великую храбрость.
Меч заткнул за широкий пояс
И сбежал с горы каменистой
По тропинке легкою серной.

У источника Дубовика
На юнацком старом погосте
Он услышал голос девичий,
Исходивший из древней гробницы.
Тянет Томаша меч зеленый,
Заливается голос высокнй,
Мнится — вила поет и плачет,
А слова непонятной песни
Над погостом юнацким вьются,

Словно бабочки над луговиной.
И подходит Томаш к могиле,
Точно конь, под уздцы ведомый,
И берется за ржавые кольца,
Чтобы сдвинуть плиту гробовую.

Голос поет:

Над ручьем летают птицы,
Травы спят на берегу,—
В глубине глухой гробницы
Я оружие берегу.

Ветерок стрелой каленой
В час ночной спешит туда,
Где блесит, как меч зеленый,
Торопливая вода.

У гробницы вьются змеи.
Где ты? Близок свет зари.
Поверни кольцо скорее
И гробницу отвори.

Ухватился Томаш за кольца
И почувствовал в это мгновенье
В юных пальцах юнацкую силу.
Повернулись ржавые кольца,
Поднялась плита гробовая,
Приоткрылась просторная гробница,
Отворилась обширная пещера,

Показались мраморные стены.
Посреди пещеры широкой,
На покрытом парчой возвышеньи,
Спал юнак в иссеченных латах,
Седоусый и седобородый.
И лежало подле юнака
Боевое старинное оружие:
Пистолет с рукоятью из яшмы,
Ятаган и два джефердара.¹
И горели свечи в гробнице
Неподвижным подземным светом,
Отражаясь в мраморе белом.

Подымая правую руку,
Над юнаком девочка пела.
И была она так прекрасна
В серебристом легком наряде,
Златокудра и голубоглаза,
Что невольно Томаш подумал:
«Неужели, ее увидев,
Я теряю силу и храбрость?»
А в руке, протянутой к Тоше,
Девочка яблоко держала.
Нет, не яблоко золотое,
А комок земли черногорской,
Нашей теплой земли черногорской.

¹ Д ж е ф е р д а р — старинное, длинноствольное ружье.

И сказала Войславка:

— Здравствуй,
Здравствуй, Томаш, мой избавитель!
Ты возьми волшебное оружие,
Что лежит подле мертвого юнака;
Ты возьми это яблоко с собою,
Спрячь за пазухой возле сердца,—
И, пока родимую землю
Чистым сердцем чувствовать будешь,
Змей тебя одолеть не сможет.
И в тебе все люди и звери
Будут видеть свое подобье:
Малый малого в тебе увидит,
И великого увидит великий,
Для владыки ты будешь владыкой,
А для нищего будешь нищим,
Для медведей ты будешь медведем,
А для белок — белкой-попрыгуньей.
Только змей тебя не увидят,
Ты отныне для змей — невидимка.
Будет чуткий твой слух заполнен
Языком стоустой природы,
Для тебя звериные речи
Обретут значенье отныне,
Станут птичьи слова понятны,
Ты постигнешь змеиные глаголы,
Восклицанья всех насекомых,
Тихий шопот червей подземных
И беззвучные рыбы наречья.
А еще ты возьми с собою

Три волшебных волоса Змея,
Для тебя, как зеницу ока,
Я храню их уже три года.
Час настанет — и грянет битва,
Гибель в очи твои заглянет;
Первый волос в пламени вспыхнет —
Обратится твой недруг в пепел.
А второй — над ведьмами властен,
И над воздухом властен третий, —
Стоит только их в пламя бросить.
Слышу-слышу посвист далекий:
Это Змей спускается с неба.
Уходи отсюда скорее,
За меня бояться не надо. —

И платок из лунного шелка
Протянула ему Войславка.
Тем платком опоясался Томаш,
Подле сердца яблоко спрятал,
Взял с собою три волоса Змея
И надел Илинно оружие.

И тогда в гробнице юнацкой
Восковые свечи погасли,
Загремели, падая на землю,
Исполинские медные латы,
И в мельчайший прах обратилось
Трехсотлетнее тело юнака.

Вышел Томаш вон из пещеры
И увидел огонь на погосте:
Змей горящие крылья расширил,
Наострил железные когти.
А Войславка мгновенным ветром
Из гробницы прочь улетела,
И за нею следом умчался
Лютый Змей, изрыгая пламя.

Томаш сходит с горы в долину,
Речь звериную Томаш слышит,
Слышит звонкие птичьи песни,
Речь звериную понимает,
Понимает птичьи наречья.
Перед ним открываются тайны
Плодородной земли и неба,
Недр земных и высот небесных
И глубин кипучего моря.

Сказка третья
**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
ПОСЕТИЛ ЗОЛОТОБОРОДИКА
В ЗАГРАДЕ**

Томаш с гор спустился в долину
И направился в тихий Заград,
Стийенское древнее селенье,
Где в полях ветерок играет
Колосистой белой пшеницей,
И она, колеблясь, как пламя,
Напевает солнечную песню;
Где над Быстрицей говорливой,
Над ее прозрачной водою
Тополя, магнолии, клены
И платаны стоят на страже;

Где плоды блаженного юга
Под внимательным солнцем зреют;
Золотые шары померанцев
Наливаются солнечным светом;
Овевает ветер струистый
Абрикосов пушистые щечки,
Ягоды винные тяжелеют,
Как большие медовые капли;

Где на склонах гор благосклонных
Виноградники зеленеют,
И кудрявые лозы вьются
По сосновым гладким лучинкам,

Где по вечно серебряным оливам
Солнечные зайчики скачут;
Где дома из кремня голубого
Слюдяными плитами крыты,
И на шпилях шары золотые
Пышат жаром, как померанцы;

Где в подвалах вино играет,
Где огонь в очагах не гаснет,
Раскаляя котлы, в которых
Варится вырезка баранья
С этой нежной, вечно зеленой,
Ароматной капустой бршотан;

Где дымится в глиняных люлях¹
Самый лучший табак на свете;

¹ Люля — трубка с длинным чубуком.

Где поют гусяры седые
О сраженьях Кралевича Марко
И других великих юнаков.

Томаш в Заград вошел на закате.
На цветах роса просияла,
Золотыми стали вершины
Синих гор, обступивших селенье,
И уже на луга ложились
Повечерние смутные тени.
Голуби на кровлях ворковали,
Травы пахли вином столетним,
И на скалы орлы слетели,
Охраняя вечерний Заград.

Слышит песню далекую Томаш.

Песня сельского сторожа

Ой, Заград, Заград, малый Цареград!
Ой, Заград, Заград мой!
С горы летит бродячий
Вечерний ветерок,
Уходит день горячий,
Погожий мой денек.
Пчелиных сот богаче
Пригожий городок!
Ой, Заград, Заград, малый Цареград!
Ой, Заград, Заград мой!

Ворота золотые
На север и на юг,—
Пускай уходят злые,
Пускай приходит друг.
Стоят, как часовые,
Двенадцать гор вокруг!
Ой, Заград, Заград, малый Цареград!
Ой, Заград, Заград мой!
Кто мнет цветы и травы,
Пыльцу твоих дорог?
Донныне вор лукавый
Сюда войти не мог,—
Засни, мой златоглавый,
Не бойся, городок!
Ой, Заград, Заград, малый Цареград!
Ой, Заград, Заград мой!
Зажгу я свой фонарик,
Фонарик мой цветной,
Ты спи, мой Цареградик,
За каменной стеной;
Я — Золотобородик,
Я — Золотобородик,
Я — Золотобородик,
Надежный сторож твой.
Ой, Заград, Заград, малый Цареград!
Ой, Заград, Заград мой!
О-ой!

Расходилось по Заграду эхо,
Прокатилось от края до края,

Обежало затихшее селенье
И пропало вдали за горами.
И пошел на голос далекий
По безлюдной улице Томаш,
И увидел он человечка —
Невеличку в красных штанишках
И зеленом парчевом йелеке.¹
Был он взрослому по колено,
Да зато борода в три аршина —
Золотая — за ним волочилась,
Точно хвост за нарядным павлином,
И усы золотые струились
По цветам и медвяным травам.

Он увидел Томаша рядом,
Протянул восторженно ручки
И пропел протяжно и тонко:
— Сколько лет ни живу на свете,
А не слышал я и не думал,
Что такой же, как я, человечек
По земле черногорской ходит.
Счастлив ты, что пришел под вечер:
На заре въездные ворота
Я ключом золотым замыкаю,
Потому что я сельский сторож,

¹ Йелек — верхняя куртка без рукавов и застежек.

Охраняющий Заград счастливый
От воров и хищного зверя.
А живу я вон в той пещере;
Целый день я в саду копаюсь,
Развожу земляные груши,
Хмель и карликовые розы.
Садик нравится младшим: дети
Часто в гости ко мне приходят,
Никогда надо мной не смеются
И со мной разговаривать любят.
Семилетки — со мною играют,
Пятилетки — в дружбе со мною,
А трехлетки — дядей называют.
Я известный Заграду знахарь,
Разбираюсь в травах целебных
И лечу небольших животных
От различных заболеваний.
Я повел бы тебя в пещеру,
Где храню богатые запасы
Для больших людей, что порою
За советом ко мне приходят.
Чтобы им наесться, на ужин
Много надо кушаний разных —
Сыру, пецива,¹ мяса, хлеба;
Нам с тобою — полуаршинным —
Хватит нескольких винных ягод.
Мы напьемся из Быстрицы студеной,
По душам поговорим с тобою.

¹ Пециво — жареная баранья туша с начинкой.

А зовут меня Золотобородик
Потому, что мой главный признак —
Борода золотая-золотая,
Золотая борода, золотая. —
Томаш думает:

«Видно, правду
Мне Войславка сказала в гробнице:
Впрямь — во мне человек малый
Видит малого человечка!»

Подошли они, за руки взявшись,
К дереву большому-пребольшому
И сорвали себе на ужин
Винных ягод, сколько хотели:
Человечек — четыре штучки,
И четыре десятка — Томаш.
И, когда они ягоды срывали,
Удивлялся Золотобородик:
Все казалось ему, что ветви,
Даже самые верхние ветви,
Наклоняются к Томашу сами.
И ему не понравилось это,
И ему пришлось не по вкусу,
Что такой же, как он, малютка
Обладает чрезмерным аппетитом.
И подумал Золотобородик:
«Слишком жаден мой новый братец.
Он, быть может, с мыслями злыми
К нам пришел в малолюдный Заград».

И вошли они вместе в пещеру,
Там зажгли смолистую лучинку,
Светиком пещера озарилась.
И промолвил Золотобородик
На гортанном птичьем наречьи
Голубям, ворковавшим тихонько:
— Гули-гули, голуби, смотрите,
Гуль-гуль-гуль, смотрите, голубки:
Вот вам новый Золотобородик,
Человечек ловкий и красивый.
Только внешне он сходен со мною,
У него неважный характер:
Он большая жадина, птички;
Он, быть может, в Заград пробрался,
Чтобы нас прогнать из пещеры,
Стать хозяином в доме нашем.
Только это ему не удастся:
На него я выпущу ночью
Все блошиное черное войско.—
И лукаво сизым голубкам
Подмигнул хитрец бородатый.
— Гули-гули, — голубки сказали, —
Что-то с нашим хозяином случилось:
Принимает он за человека
Голубка, влетевшего в пещеру.—

И подбросил Золотобородик
В очажок дубовых полешек,
И наполнил кальян турецкий
Табаком, нарезанным тонко.

И сидели они и курили,
Говорили до поздней ночи,
А потом и спать захотели.
Бородою, что одеялом,
Человечек тепло укрылся
И окутал голову усами,
Точно златотканной чалмою.
Он глядит потихоньку на гостя,
Будто в зеркало гладкое смотрит,
Будто видит свое отраженье.

Томаш с плеч алину снимает,
Джефердар кладет в изголовье,
Пистолет — у правого бока,
Меч — поближе к огню, налево.
На алину ложится Томаш
И, лицо наклонив над полом,
По-блошиному щечет тихонько,
Чтоб не слышал Золотобородик:
— Чик, лик, тики! Щики, чи, звили!
Блохи, блохи, мелкий народец!
Вы скачите, блохи, на отдых,
Вы взбирайтесь на меч зеленый,
На мече зеленом ночуйте!
Утром я отпущу вас на волю,
Ночью я ловить вас не стану,
Кисти-чистп! Щики-чикили! —

И мгновенно, как рой пчелиный,
Блохи Томашев меч облепили,

Не кусали Томаша ночью,
Видеть сны ему не мешали.
Спал в пещере Томаш спокойно,
Окруженный невинной природой,
И глядел до рассвета месяц
На его лицо молодое,
Смуглое, с закрытыми глазами,
И казалось месяцу, что он видит
Новый месяц в земной пещере,—
Так пригож был странник заснувший,
Вилин сын, большеглазый Томаш.

А когда наступило утро
И заря на востоке зардела,
Пробудился на жестком ложе
Томаш Старший, с малыми—малый.
И покуда хозяин пещеры
Спал, укрытый своей бородою,
Поднял Томаш свой меч зеленый
И стряхнул блошиное войско.
Взял суму, захватил оружие
И пошел через утренний Заград
К неотворенным Южным воротам.
Он легко через них перепрыгнул
И спустился к Быстрице звонкой,
Там студеной водой умылся
И пошел в Медунские горы,
Где живут клыкастые волки,
Лисы в теплых пушистых шубках

И медведи в зеленых доломанах.¹
А в груди его громко стучало
Молодое счастливое сердце,
И, шагая по Южной дороге,
Он сложил веселую песню:

Песня, которую пел Томаш, покидая Заград

Петухи поют окрест,
Будят заградских невест,
Чтобы к Быстрице невесты
Шли за чистою водой,
Любовались бы невесты
Золотою бородой.

Не давайся никогда,
Золотая борода,
Молодым невестам в руки,
Убегай, хозяин мой!
Попадешь невестам в руки —
Унесут к себе домой!

И поставят на станок,
Чтобы ты уйти не мог.
И отрежет три аршина
Бороды твоей одна,
Чтобы вышло три аршина
Золотого полотна.

¹ Доломан — куртка с разрезанными рукавами которые откидываются назад.

А достанешься другой —
Кожу с плеч сдерет долой
И сапожною иголкой
Сапожки себе сошьет,
А сапожная иголка
Больно-больно-больно жжет!

Петухи поют окрест,
Будят заградских невест.
Спят красавицы-невесты,
Лень идти им за водой,
Не хотят еще невесты
Любоваться бородой.

До свиданья, бородастик,
О-ой!

Сказка четвертая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
ПИРОВАЛ В МЕДУНСКОМ
ЛЕСУ**

Томаш меч затыкает за пояс,
Покидает маленький Заград
И шагает по Южной дороге,
Распевая звонкие песни.

Вьется Томашева дорога,
То в тенистых рощах теряясь,
То на свет выбегая снова,
Огибая пруды и озера,
Разделяя надвое селенья,
По горам, по долинам широким,
Вдоль ручьев, шумящих, как дети.

И встают перед Томашем скалы,
А за скалами — горы Медуны —
Вековая звериная область,
Неприступным поросшая лесом.

Сквозь кусты продирается Томаш,
Раздвигая ветви руками,
Наступая на корни тугие,
Попирая гранит замшелый.

И когда он вошел в дубраву,
Серый заяц его увидел,
Поскакал за ним торопливо
По грибной и брусничной тропинке.

Барсуки выбегали из логов,
Серны спрыгивали с утесов,
Волки шли на Томашев голос,
И ветвисторогие олени
С оленятами выходили.

Шло зверье за Томашем следом,
И лесные птицы летели,
Вереща, над его головою.

Встретил Томаша на дороге
Косолапый Мийо Медведич,
Господарь лесов заповедных,
И сказал раскатистым басом:
— Урру, урру, барру, гарруру!
Здравствуй, Томаш, медведь-пришелец!

В день веселья входишь в Медуну:
Ныне женится самый могучий,
Самый бурый медведь балканский
На лисице, самой прекрасной,
Самой рыжей балканской лисице.
Я женюсь на лисице Милице!
У меня веселье и свадьба!
И в *моей* господарской берлоге
Поселюсь я с женой молодою!
Приходи же ко мне на свадьбу,
Приходи ко мне на веселье,
Приходи со своею свитой,
Что идет за тобою следом,
Грруа, гррау, бурра, бабурра! —

Томаш руку подал медведю,
Господарю лесов медунских,
Согласился прийти на свадьбу.
И медведь ему улыбнулся,
Обнял Томаша троекратно,
Облизал языком шершавым
И пошел готовиться к пиру.

Пир на славу медведь устроил:
Он зарезал пятьсот баранов,
Сто быков,
Сто двадцать индеек,
Триста семь гусей и цесарок.

Прикатил четыреста бочек
Лучших вин из подвалов медунских.
Раздавил сорок тысяч ульев,
Белый фартук надел, как повар,
Чтоб не выпачкать доломана.
Семь часов кипятил варенуху,
Поминутно пробуя напиток,
Потирая косматые лапы,
Хохоча оглушительным басом:
— Ай да славная варенуха, —
Молодец, господарь медунский! —

О, медунское озеро Лабуд!
Словно око лесного зверя,
Ты глядишь в глубокое небо,
И в тебе отражаются солнце,
Облака и летящие птицы.
Омываешь ты берег зеленый,
Поишь корни раскидистых буков,
И твои кристальные воды
Утоляют полдневную жажду
Разношерстных граждан Медуны.

Никогда еще, озеро Лабуд,
На твоих берегах благодатных
Столько разных зверей не сходилось;
Никогда еще, озеро Лабуд,
Ты не видело пира обильней;
Никогда еще, озеро Лабуд,
Ты богаче не видело свадьбы.

Под широкой древесной тенью
Стол стоит, лопухами покрытый,
На столе дымящиеся яства
И напитки в долбленых колодах.
Стук копыт сотрясает воздух,
Звяг рогов порождает эхо!
Слышен звон костяных пехаров ¹
И шипенье вин искрометных.

Собрались на свадебном обеде
Господаревы друзья-медведи,
Собрались невестины сестрицы
Рыжие красавицы-лисицы.
Отдали хозяевам поклоны
Кабаны, олени и муфлоны.
Принесли орешков на тарелке
Зайцы, выдры, кролики и белки.
Прибежали, всех гостей потише,
Хорошо воспитанные мыши.
Прилетели орлы-великаны,
Кулики, щуры, пеликаны.
И невесту целуют в губки
Зяблики, малиновки, голубки.
Прискакали на свадьбу лягушки,
Молодым подарили подушки;
Черепаша, вздохнув по привычке,
Жемчуга подарила лисичке.

¹ Пехар — кубок.

Прилетели шмели и стрекозы,
Мухи, бабочки и цикады;
Прискакали кузнечики на свадьбу,
Приползли жуки на веселье.
Каждый встречен медведем достойно,
Каждый ласковым словом привечен.

Начинается пир великий,
И садятся за стол, не толкаясь,
Насекомые,
Звери,
Птицы.
Козы рядом с гайдуками-волками,
Черенахи — с колючими ежами,
Рядом с лисами — кудые зайцы,
Рядом с ласками — крысы и мыши!
Боязливо глядят косые
На своих соседок пушистых,
Осторожно трутся плечами
О брезгливые лисьи лапки
И подлизываются, как могут:
— Вы попробуйте этого гуся,
Вы отведайте этой индейки! —

С женихом косолапым рядом
По обычаю слева — невеста;
От медведя по правую лапу

На почетное место садится
Вилин сын, большеглазый Томаш.
И глядят на Томаша звери
Неотступным восторженным взором:
Им по сердцу его осанка,
Им по праву его обличье,—
Каждый видит свое подобье
В именитом свадебном госте.

Говорит жених захмелевший:
— Кушай, Томаш, мой брат любимый,
Не жалея ни пецива, ни мяса,
Ешь побольше масаницы ¹ жирной,
Запивай домашней варенухой,
Заедай ароматным медом
И закусывай старым сыром.
Жир с локтей медвежьих закаплет —
Мы поймем, что животное сыто;
Наземь шапку медведь уронит —
Мы поймем, что в пехаре сухо,
А вмещается в нашем пехаре
Тридцать три с половиной оки. ²
Эй, свирельщики,
Урру,
Бурру!
Живо музыку!

¹ М а с а н и ц а — начинка пецива, из хлеба и сыра.

² О к а — около полутора литра.

Ррау,
Гррау! —

Поднял заяц певучую скрипку,
А барсук фагот голосистый,
Старый волк растянул гармошку,
Ворон длинную флейту вынул,
Медвежата в барабан забили,
Два кузнечика дунули в двойницу.

Музыка

Дили-дили — бом! бом!
Тилити-питилити — бом! бом!
Бом-трах! Бом-трах!
Били-били — бом! бом!

Ой, пируют гости медведя,
Вся Медуна хозяйна славит.

Песня, которую пели гости на медвежьей свадьбе

Слава-слава медведю господарю!
Слава-слава лисице Милице!
Задерет медведь коня —
Мясо варит без огня.
Задерет медведь вола —
Мясо варит без котла.

Без воды, без соли,
Да зато на воле!

Слава-слава медведю-господарю!

Шла лисица через мост,
Окунула в речку хвост,
Усмежается
Краса,
Умывается
Лиса,
Красная девица,
Рыжая лисица.

Слава-слава лисице Милице!

Нет на свете края
Нашему веселью,
Нет на свете края
Свадебному ниру!

Слава-слава медведю господарю,
Слава-слава лисице Милице!

Встал медведь на задние лапы,
Заревел, чтохватило мочи:
— Веселей! —

Музыканты играют,
Гости песни поют и пляшут:

Дили-
Дили
Бом!
Бом!

Били-
Били
Лбом!
Бом!

Как медведь построил
Деревянный дом.

Бом!

Он замкнул ворота
Дубовым бревном.

Бом!

Он пошел к невесте в гости,
Он принес воловьи кости.

Тароват господарь,

И богат господарь,

И жених и сват

Молодой господарь.

За себя возьму лису,

Поселю — в лесу,

Поселю — в дому,

Поэтому — потому!

— Замуж, замуж выдаем лисицу!

Женим, женим медвежьего сына!

Ты потешь, медведь,

Нас!

Ты пойди, медведь,

В пляс!

Медведь:

— Разойдись, народ, —
В пляс медведь идет!
Шаровары мои —
Сто аршин сукна!

Ай, лисица,
Ай, Милица,
 Молодая жена!
Мы с тобой вдвоем
Всю Медуну обойдем!
 Эй-эй!
 Эй-эй!
 Эй-эй!
 Эй! Эй! Эй!
 Бом! —

Подымает здравицу хозяин,
Подымает пехар медвежий —
Кормовую долбленную тыкву:
— Гурру,
Гурру,
За здоровье гостя,
За здоровье Томаша-медведя! —

Подымает здравицу невеста:
— Пью из этой скорлупки яичной
За здоровье главного гостя,
За здоровье Томаша-лиса! —

Старый волк пехар подымает,
Козий череп, наполненный брагой:
— За здоровье Томаша-волка! —

Подымает белка лесная
Свой пехар — грецкий орешек:
— За здоровье Томаша-белки! —

И захлопал орел крылами,
За здоровье Томаша вынул
Свой пехар из бычьего рога:
— Слався, Томаш, орел могучий,
Кровный брат владык горбоносых! —

Тут содвинулись разом пехары,
Закричали «живио!»¹ звери.
Горный кряж задрожал от кликов,
От приветствий разноязычных.

И когда пехары опустели,
Поклонился хозяину смиренно
Мудрый старец, олень благородный,
С бородой по самые колена,
С лысым лбом и обломанным рогом.
Поднял он громовитые гусли,
На которых вырезана костью
Вся медунская мудрость лесная
От начала звериного века.

¹ Ж и в и о — приветственный возглас.

Все утихло, и слушают гости
Прорицанья седого оленя.

Олень поет:

Некто смелый поднял меч зеленый,
Топчет гор крутые склоны,
Топчет склоны.

Он хранит комок земли родимой,
Он проходит мимо,
Мимо, мимо.

Встретим гостя. Рокочите, струны!
Входит в заросли Медуны
Странник юный.

Будет краем Черногорским править
Тот, кого пришел я славить,
Песней славить.

Ты взойдешь, блеснув звездой весенней,
Брат медведей и оленей,
Брат оленей.

Перед гостем склонится владыка,
Как под ветром повилика.
Ждет владыка.

Слава гостю! Господарю слава,
Молодой хозяйке слава,
Всей Медуне слава!

Удивила собравшихся песня,
Только Томаш понял оленя.
И пока голубки клевали
Скатный жемчуг у ног невесты,

И пока музыканты играли
И не молкло шумное веселье, —
Томаш встал с почетного места,
Потихоньку ушел со свадьбы
И направился в город Цетинье,
Черногорскую древнюю столицу.

А вдали, за горами, чуть слышно
Барабаны медвежьи гудели
И пиликали заячьи скрипки:

Дили...

Дили...

Бом-

Бом...

Тйлити-

Питйлити...

Бом...

Бом...

Сказка пятая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
СТАЛ ЦЕТНИСКИМ
ВЛАДЫКОЙ**

На рассвете проснулся ветер,
Легкий ветер Синявины милой,
Распрямил продрогшие крылья
И покинул гнездо родовое.

На рассвете проснулся ветер,
Разлетелся ласточкой быстрой,
Посетил широкое Приморье,
Над вершинами гор закружился,
Искупался в Которской бухте.

Ветер, ветер!
Странник небесный!

Ты в глубоких ущельях играешь,
Ты альпийские травы колеблешь,
Ты сосновые трогаешь иглы
И поешь в листве недреманной
Стройных яворов подле Морачи.

Ветер, ветер!

Странник небесный!

Ты несешь на стремительных крыльях
Запах чобра, тмина и мяты,
Запах дымных костров пастушьих,
Свежий запах моря и сена.

Ветер, ветер!

Странник небесный!

Ты своим крылом стреловидным
На лету никого не заденешь,
Никому не сделаешь больно.
Поиграешь травой осторожно,
Поиграешь листвой бережливо,
Шалаши посетишь и лачуги,
Постучишь в крепостные ворота,
Взбудоражишь ленивую стражу,
И умчишься в дальние страны.
Легкий ветер,
Путник веселый,
Гость захожий,
Странник поющий!

Так и Томаш ходит по свету,
От селенья к другому селенью,

От вершины к другой вершине,
От долины к другой долине.
Посещает хижины Томаш,
Посещает горные катуны,¹
Говорит с чабанами седыми,
Говорит с лесными сторожами,
Гуслярами, нищими, купцами, —
Каждый в Томаше видит ровню,
Видит брата и верного друга.

Все дороги ведут в Цетинье,
Но кратчайшую Томаш выбрал,
И по ней он идет в столицу
Прямо к черногорскому владыке.

Он источники вброд переходит,
Реки шумные переплывает,
Окликает цветы полевые,
Пчел расспрашивает о Войславке.

Подойдет к соловьиному дому —
Дикой розе, покрытой цветами,
И его соловей не боится;
Розу Томаш на память срывает
И губами касается нежных
Лепестков —
И зовет Войславку.
И за тридевять стран от розы
Слышит девочка Томашев голос,

¹ К а т у н ы — стоянки чабанов (пастухов).

На призыв отозваться не может
И роняет крупные слезы.
Пала на горы ночь —
И звезды,
Точно свечи, зажглись над горами:
Золотая вспыхнула Седьмица,
Загорелась Рáдоница в небе,
Влашичи все вместе появились,
Засветилась Кумова Солома,
И меж звезд, над крышами Цетинье,
Огнехвостая комета встала.

В этот час
В колокола забили,
И вошел владыка цетинский
В монастырскую тесную церковь.
В трех ее притворах пылали
Восковые пудовые свечи,
И тяжелый дым из камильниц
В разогретом воздухе плавал.

В этот час
Вошел в Цетинье Томаш
И мечом зеленым ударил
В монастырские медные ворота.
И ему отворили монахи,
Удивляясь его появлению.
— Брат чернец, — монахи сказали, —
Почему ты с мечом приходишь?
Разве иноку подобает,

Вместо четок, носить оружие?—
Оттолкнул их Томаш сурово
И вошел в зачаженную церковь,
И увидел владыку Цетинье:
Он стоял, окруженный свитой —
Усачами в пунцовых джамаданах,¹ —
Седовласый и горбоносый,
В черной рясе, в черной камилавке,
Крепко сжав рукой узловатой
Длинный посох из черного дуба.
Был высок владыка цетинский,
Шрамом лоб его был отмечен,
А в глазах, под густыми бровями,
Тлели гневные угли сражений.
И, взглянув на него, подумал
Томаш Старший, с великими великий:
«Нарядили владыку в рясу,
Крест на грудь повесили владыке,
А под рясой пистоля, должно быть,
Под крестом, должно быть, кольчуга».
И замолкли попы на амвоне,
Замолчал на клиросе дьякон,
Оборвали певчие молитву
И затихли, вытянув шеи.

Точно брата встречая пришельца,
Произнес цетинский владыка:
— Не напрасно комета всходила,

¹ Дж а м а д а н — куртка, обычно красная.

Счастье нам она предвещала.
Черногории эта полночь
Принесла великую отраду.
Шыне топчут нашу отчизну
Воронье турецкие кони,
Ранят лик земли горделивой
Ятаганы турецких визирей,
Оскверняют родимое небо
Мухамеда зеленые знамена,
И щиты черногорских юнаков
Янычары султана попирают.
Как тебя называть прикажешь?
Ты откуда пришел, владыка?
Если ты из великой России,
То спасется отечество наше! —

И ответил Томаш на это:
— Брат владыка! Да будет скрыто
Вечной тайной мое рожденье
И мое настоящее имя.
Я теперь называюсь Томаш,
Добрый — с добрыми,
С малыми — малый,
Злой — со злыми,
С великими — великий.
Помогу, чем сумею, народу.
Мне отчизна вил и юнаков
С детских лет словно мать родная. —

И владыка промолвил:
— Брат мой,

Раздели же престол со мною,
Ибо мне одному не под силу
Бремя власти нести под старость.—

И ответил Томаш владыке:
— Я лишь ветвь могучего древа,
Плоть от плоти и кость от кости
Моего народа, который
Льет бессмертную кровь за отчизну.
Я в беде помогу черногорцам
И престол разделю с тобою.—

И поклялся владыка цетинский:
— Пусть мне турки бороду вырвут,
Пусть отрежут усы янычары,
Пусть в глаза мои черные плюнет
Окаянный султан турецкий,
Пусть могилу мою потопчут,
Словно дьяволы, быстрые кони,
Если я изменю обещанью
Мой престол разделить с тобою.—

Зазвонили на колокольне,
На амвоне дьяконы запели,
Хор вступил,
Забили поклоны
Толстые и тощие монахи.

Стало душно Томашу в церкви.
— Выйду я — он сказал владыке,—
Я хочу взглянуть на Цетинье.—

И когда он церковь покинул,
Подступила к владыке свита,
И один из воевод промолвил
Так, чтобы монахи не слышали:
— Что ты сделал, отец черногорцев?
Почему за владыку России
Ты пришельца-воевода принял?—

А потом подошли монахи,
И один прошептал тихонько,
Так, чтоб воеводы не слышали:
— Что ты сделал, отец черногорцев?
Почему за владыку России
Ты пришельца-монаха принял?—
И сказал правитель черногорский:
— Поклянитесь, воеводы, немедля,
Поклянитесь тотчас же, монахи,
Что сказали чистую правду!—

Принял клятву старый владыка
И нахмурил косматые брови:
— Видно, стар я стал и бессилен,
Если мне глаза изменяют.
Что мне делать теперь — не знаю,
Ибо Томашу дал я слово,
Ибо клятва меня связала.—

И сказал один из монахов:
— С плеч владычных страшную клятву
Может снять епископ цетинский;
Повели догнать самозванца,

Повели заколоть монаха, —
Он, как волк, проникший в овчарню,
Облаченный в овечью шкуру. —

Отделились трое от свиты
И сказали, став на колени:
— Если ты повелишь, владыка,
Томаш-войвод будет заколот. —

И велел им клятвоотступник:
— Кем бы ни был Томаш-пришелец,
Волком, войводом или монахом, —
Отыщите его скорее
И ударьте ханджарами¹ в спину. —

Продолжалась церковная служба,
Синий дым тянулся от камильниц;
Вышли трое войводов из церкви.
Отворились медные ворота
И предателей пропустили,
Чтобы ночью клинки просвистели,
Чтобы Томаш упал, окровавлен.

Спят в цетинских домах горожане,
И темны слюдяные окна.
Далеко еще до рассвета,
Лунный свет заполняет город,
И глубокие стелются тени.

¹ Х а н д ж а р — кинжал.

Спящий город обходит Томаш,
Посреди Цетинье видит башню,
Обступают ее кипарисы,
Обвивают лозы винограда,
Темный плющ взползает по стенам,
А вокруг твердыни гранитной,
Словно рыба чешуя, играет
Серебристая река Цетина.
Неприступную темную башню
Окружает кольцо тройное:
Земляная высокая насыпь,
А за нею — дома городские,
За домами — стена крепостная
С амбразурами под зубцами.

Через мост переходит Томаш
И снаружи глядит на Цетинье,
На гранитную внешнюю стену,
Каждый камень которой имеет
Необычную, странную форму:
То взлетающий вытесан ворон,
То рыкающий лев, то коршун,
То смеющийся лик юнака,
То расколотый надвое череп.

Размывает берег Цетина,
Образуя песчаные наносы,
Обнажая кости человечьи.
Тут земля нарастала слоями,
И на гробы ложились гробы;
Проходили века за веками,

Вверх росло Обиличево поле,
Под землей в белоснежный мрамор
Превращались кости юнаков.
Здесь когда-то на кладбище этом
Похоронные залпы гремели
И ложились в песок наносный
Черногорские ратоборцы.
Сколько их за народное дело
Здесь легло на последний отдых?
Сколько тысяч окаменело
Сыновей всенародной славы?

И, склоняясь над размытой могилой,
На юнацкие кости глядя,
Говорит задумчиво Томаш:
— Тут ли спишь ты, кралевич Марко,
Тут ли спишь ты, Релья крылатый,
Тут ли спишь ты, Милош Обилич,
Давший имя обителю смерти? —

Осторожно мечом зеленым
Мертвой кости Томаш коснулся,
Поцарапал холодный мрамор.
Вдруг земля поплыла под ногами,
Зашуршали пески, оседая,
И задвигались мертвые кости,
Покрываясь надкостницей влажной,
Сухожильями соединяясь,
Обрастая розовым мясом,
Оплетаясь жилами тугими,
Одеваясь теплою кожей.

Встал юнак над могильным прахом,
И на нем появилась одежда,
Зазвенели кованые латы,
И в руках его заблестели
Меч двуручный и щит широкий.

Он стоял в боевом снаряженьи,
А за ним пробуждались другие,
Наделенные силой бывалой,
Строясь в правильные колонны.

Трое воевод свитских долго
По Цетинье Томаша искали,
Не нашли в столице и вышли,
Рукояти ханджаров сжимая,
Через мост, за наружную стену.
И, услышав гул отдаленный,
Первый молвил:

— Рушатся скалы!

Это, верно, землетрясенье
Приближается издалёка. —

А второй сказал:

— Это буря

Отдаленные горы ломает. —

И сказал товарищам третий:

— Почему же здесь недвижимо
Предрассветный покоится воздух?
Это близится к нам наводнение,
Взбунтовались истоки Цетины. —

Тут на берег воеводы вышли.

Перед ними знамена шумели,
И по край Обиличева поля
Боевые дружины стояли.
И упали войводы на землю:
Пощади нас, Томаш могучий,
Нам велел владыка цетинский
Отыскать тебя этой ночью
И ударить ханджарами в спину. —
Томаш им ответил с презреньем:
— Дважды вы предателями были:
Первый раз, когда согласились
На такое подлое дело,
А второй — выдавая владыку. —
И юнаки их растоптали.

Разгорается жарко денница,
Розовеет прозрачное небо,
Лунный блеск погасает на латах,
Над знаменами ласточки вьются.
По большой цетинской дороге
Томаш Старший ведет юнаков
К монастырским высоким воротам.

Песня, которую пели юнаки по дороге к Цетинскому
монастырю

Первый юнак:

Помню гул отгремевших сеч,
Звон щитов, завыванье стрел;
Уронил я двуручный меч,
Изрубить врага не успел.

Все юнаки:

Зеленый меч,
Илиин меч
При полной луне блестел.

Второй юнак:

Страшно телу в могилу лечь
Станут кости, как белый мел.
Будет мертвое сердце жечь
Жажда новых великих дел.

Все юнаки:

Зеленый меч,
Илиин меч
При полной луне блестел.

Третий юнак:

Прах могильный роняя с плеч,
Славлю я бессмертный удел
Тех, кто в дни отгремевших сеч
Смерти прямо в глаза глядел.

Все юнаки:

Зеленый меч,
Илиин меч
При полной луне блестел.

Подшли к монастырю юнаки,
Заскрипели железные засовы,
Отворились медные ворота,
И навстречу Томашу вышел
В черной рясе детинский владыка.

Он увидел древние знамена,
Он увидел несчетное войско,
И забилося дряхлое сердце,
Пораженное страхом и восторгом.
— Ты прости меня, Томаш великий,
Добрый — с добрыми, злой — со злыми,
Что в тебе я посмел усомниться,
Что замыслил недоброе дело
И нарушил страшную клятву.
Раздели же престол со мною,
И да будет мир между нами. —

Улыбнулся насмешливо Томаш:
— Для чего мне править с тобою?
Для того ли, чтоб ночью поздней
Ты проник в мою опочивальню
И меня, как петуха, зарезал?
Для того ли, чтобы вторично
Клятву, данную мне, нарушить?
Не дели престола со мною,
Созови народ черногорский,
Пусть решает он, правдолюбец,
Кто из нас владыкою будет. —

И владыка созвал черногорцев,
Произнес, обращаясь к народу:
— Вы кого хотите увидеть
На престоле родины вашей?
Коль меня, отойдите налево,
А коль Томаша, то — направо. —

Посмотрели на Томаша люди,
И увидел в Томаше каждый
Сам себя, свое отраженье:
Пахарь — пахаря, воин — воин.
И пошли черногорцы направо,
Из пистолей в воздух стреляя,
Вверх бросая круглые шапки.
— Славься, Томаш, с малыми — малый! —
Поклонился Томаш народу,
Поблагодарил за избранье:
— На великий престол цетинский
Восхожу я по вашей воле.
А тебе, одетому в рясу,
Оставляю во владенье церковь.
Правь монахами и попами,
Духовенством белым и черным,
Потому что в делах церковных
Разобраться я не сумею.—

Расстилают ковры горожане,
Осыпают площади цветами,
Зажигают плошки смоляные.
Томаш входит в город Цетинье,
На владычный престол садится,
Правит суд, прощает невинных,
Посылает юнаков на турок.

Славься, Томаш, с малыми — малый,
Славься, Томаш, с великими — великий!

Сказка шестая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
ПОБЕДИЛ ОГНЕННОГО
ЗМЕЯ**

**Гордый сокол с вороном бьется.
Вьются в воздухе черные перья,
Рассекают смелые крылья
Грозовые тучи над горами.**

**А внизу, на земле черногорской,
Наступают юнаки на турок.**

**Точно молнии шаровые,
Опускаются буздованы,¹**

¹ Буздован — тяжелый металлический шар с шипами, насаженный на деревянную рукоятку.

Под мечами трещат кольчуги,
И поют каленые стрелы.
Вышло воинство из Цетинье,
И дошло до Скадарского болота
Нерушимым сомкнутым строем,
Не ночуя ни разу в походе.
Перед ним, оставляя убитых
И теряя знамена пророка,
Отступало турецкое войско,
Точно море во время отлива.

Понапрасну турецкие пули
Покидали стволы джефардаров,
Понапрасну из ножен чеканных
Вынимали клинки янычары, —
Невредимы были юнаки:
Ударяясь о древние латы,
Как стекло, булат распылался,
И бессильные пули ложились
В прах дорожный у ног черногорцев.
Смерть-старуха боялась, должно быть,
В их глаза поглядеть вторично.

И когда у самой границы
Наше воинство остановилось,
В глубь турецкой земли продолжало
Отходить волнистое море
Обескровленных армий султана.

Вдалеке, в тумане вечернем,
Скрылись конники передовые,

Пехотинцы ушли за ними,
За пехотой — разбитые обозы.
Покружилась пыль и осела, —
Никого, только стелется вечер.
В пограничной Турции пусто
От юнаков до горизонта.

На границе оставив дозорных,
Возвратились юнаки в Цетинье,
Где в плечистой высокой башне
Жил владыка Томаш могучий,
Жил владыка Томаш великий,
Окруженный всеобщей любовью,
Окрыленный удачей всегдашней.
Повелители стран зарубежных
Говорили о нем со страхом,
Перед силой его трепетали,
Одаряли многими дарами,
Восхваляли Томашеву мудрость.

Только Огненный Змей не хочет
С силой Томаша примириться.
По мечу зеленому тоскует,
Копит яд, свой гнев распаляет,
Покидает горные палаты
И летит к черногорской столице,
Изрыгая дымное пламя,
Повторяя турецкие проклятья:
«Будь ты проклят, грязный дыганенок,
Вор поганый, вилино исчадь»,

Чтоб тебя огнем дотла спалило,
Чтоб тебя ослепило дымом!»
Покружился Змей над Цетинье,
Сделал в воздухе мертвую петлю
И пронесся бреющим полетом
Над высокими крышами столицы.

Томаш думает в тронной палате
О делах своего государства
И, глаза подымая, видит
Желтую собаку на пороге;
Красным светятся злобные очи
И по-волчьи на Томаша смотрят.

Томаш к ней:

— Ты откуда, собака?
Может быть, я тебя обидел,
Что глядишь на меня со злобой?
Может быть, дворцовая стража
Поступила с тобой сурово? —

А собака хвост поджимает,
Скалит зубы, рычит, исчезая.
«Что такое? — думает Томаш. —
Странное какое-то творенье.
Почему своего подобья
Не увидела во мне собака?»

Ниспадает ночь на Цетинье,
Люди добрые спать ложатся,

Только в Томашевой опочивальне
Одинокая свеча мерцает.
Не заснуть сегодня владыке,
Беспокойное сердце бьется,
Гонит сон и сомкнуться мешает
Векам, жаждущим отдохновения.

— Для чего, бессонница злая,
Ты стоишь у меня в изголовьи,
Разве мало тебе отрады
В дружбе с морем, никогда не спящим,
С говорливой листвою древесной,
С сиротливой птицей совою?
Вот я стал владыкой цетинским,
Повелителем древнего народа,
И, казалось бы, должен быть счастлив.
Что ж не спишь, беспокойное сердце?

И сказала Томашево сердце:
— Я томлюсь по девочке Войславке,
И Войславкино сердце, быть может,
Обо мне тоскует ответно. —

Томаш думает:
«Я покину
Свой престол и свою столицу,
Вновь пойду я искать по свету
Белокурую мою надежду».
И опять невольная тревога
Сердце гложет, обжигает память.

И опять на ум ему приходят
Очи, полыхающие красным,
Волчьи очи, змеиные очи.

Не заснуть сегодня владыке.

За окошком трепещут звезды,
Горы спят, и в Цетинье тихо,
И берется звонарь монастырский
За свое полуночное дело;
Просыпается колокол медный,
И язык о медь ударяет:
Раз!

И птицы в испуге взлетают.

Два!

Гудит металл потрясенный.

Три!

Четыре!

Спят горожане,

Только Томаш свечи не гасит.

Пять!

Шесть!

Семь!

В далеком ущельи

Откликается сонное эхо.

Восемь!

Томаш удары считает:

Девять,

Десять,

Одиннадцать!

Полночь!

И внезапно, с последним ударом,
Распахнулось окно слюдяное,
И на подоконнике стала
Желтая, косматая собака;
На владыку глядит, не мигая,
Как змея на мышь полевою.
Точно факелы, очи пылают,
Дыбом встала шерсть на загривке,
И оскалены острые зубы.

Томаш двинуться с места не может,
Шепчет: «Сгинь, пропади!» . А собака
Приседает на задние лапы,
Вверх взвивается, как пружина,
Но выхватывает пистолю
Из-под белой подушки Томаш.
Грянул выстрел, и, ранена в сердце,
Повалилась на пол собака.
Тут возник над собакой убитой
Великан длиннозубый и черный
И сказал, качаясь, как пьяный:
— Я тебя уничтожу сегодня,
Сотворю последнее чудо:
Не уйдешь от меня, проклятый,
Вор поганый, вилин цыганенок!
Ты похитил мой меч зеленый, —
Жизнь твою отниму за это.
Нет тебе спасенья от Змея,

От крылатого Огненного Змея,
От царя всех змей всей вселенной.
Если ты для змей невидимка,
Так для всех собак ты — собака.
Я тебя увидел, воришка;
Чтоб ты лопнул в огне, проклятый,
Чтоб твои глаза в дыму ослепли! —
Тут исчез великан, как будто
Спрятался в убитую собаку.
И не кровь из собачьего сердца,
А горячее хлынуло пламя,
Точно лава из жерла вулкана.

Бьют в набат, бегут горожане,
Тащат воду к высокой башне,
Вырывается пламя из окон,
Плачут женщины на перекрестках:
— Гибнет, гибнет владыка цетинский,
Томаш добрый в пламени гибнет. —
Подоспевшие на зов юнаки
Тушат пламя в опочивальне,
Но не гаснет огонь змеиный,
И ползут из собачьего сердца
Змеи,
Змеи,

Желтые змеи.

Томаш им на хвосты наступает,
И они шипят под ногами,
Извиваются, яд испуская,
Но увидеть Томаша не могут,

На пустое бросаются пространство
И кусают одна другую.
В шлемах воду носят юнаки,
Но не гаснет злобное пламя,
Топчут змей и мечами рубят —
Одолеть их в бою не могут.
Огненосные змеи клубятся,
Расползаются по Цетинье,
Будто клятву дали уничтожить
Все, что сделал Томаш для народа.
Пропадают цетинские хозяйства,
Змеи жалят детей несмышленных,
Кони ржут и падают наземь,
Погибают овцы и коровы.
Люди мечутся в смертном страхе:
Надо всем возникают змеи,
Пробираются змеи в амбары,
Обливают ядом пшеницу,
Кукурузу ядом обливают,
И зерно становится зеленым,
Пахнет кислым, делается скользким,
Расплывается мутною слизью.

Томаш видит:

Змей-полководец

Из собачьего сердца выходит,

И его серебряный панцырь

Нестерпимым пламенем блещет,

Грохоча по каменным плитам.

Змеи шипят:

Змей, Змей!
Змей огнекрылый!
Рей, рей!
Рей над Цетинье!
Бей, бей
Томаша в сердце!
Свей, свей
Гнезда пожаров!
Сей, сей
Черную гибель!
Змей, змей!
Змей огнекрылый!

Томаш кличет воинов на помощь:
— Поспешите ко мне, юнаки,
Вот мой враг, вот змей-полководец!
Как горит его белый панцырь! —
Говорят юнаки:
— Не видим,
Мы не видим белого змея,
Это вьется белое пламя. —

И тогда повалили гады,
Прибывая, как воды Цетины,
И клубясь, как река в половодье.
— Погибаю! — Томаш воскликнул. —
Не увижу тебя, Войславка,
Потонули ноги по колено

В ядовитом месиве зменном! —
И припомнил он в это мгновенье
О Войславкином странном подарке —
Чудодейственных волосинках.
И увидел, что держит в пальцах
Волос, охраняющий от смерти.

Томаш в пламя его бросает,
И сгорает волшебный волос.
Появляется в воздухе корзинка,
Круглая плетеная корзинка,
Устланная лепестками розы.

Невидимка идет к невидимке,
Увлекаемый силой чудесной:
— Томаш, где ты? — Змей причитает: —
Не дано мне тебя увидеть;
Ты сгорел бы, ужаленный в сердце,
Смерть меня бы навек миновала!..
Пощади меня, Томаш-невидимка,
Убери волшебную корзину! —

Подставляет корзинку Томаш,
Змей на розы кольцом ложится,
И его охватывает пламя.
Томаш слышит змеиное шипенье:
— Пощади меня, Томаш великий,
Я скажу тебе, где Войславка:
На далеком змеином кряже
За Чумною рекой, над Медным
Озером, в замке высоком... —

Свистнул змей, и кипучее пламя
Своего господина убило.

Сорвалось со стен опочивальни
Древнее Илино оружие
И, кружась ястребиной стаей,
На змеиное войско метнулось.
Ятаганы гадов рассекают,
Пистолет стреляет сам собою,
Длинноствольные джефердары
Ослепляют змеиные очи.
И когда бушующее пламя
Нестерпимо стало для юнаков,
Томаш вывел их на вольный воздух,
Расчищая путь мечом зеленым.
И народ возликовал, увидев
Своего любимого владыку.

Догорела высокая башня
И обрушилась в волны Цетины;
Раскаленные камни трещали,
Пар столбом стоял над рекою.
Ночь прошла, наступило утро, —
Вместо змей, на земле валялись
Черепки да погасшие угли.

— Оставайтесь, юнаки, в Цетинье,
Берегите мою отчизну,
Стройте новый дворец, юнаки.

Я покину вас не надолго,
Через год возвращусь обратно.—

Прощаясь Томаш с народом
И пошел за Чумную реку,
На крутые Змеиные горы,
И его молодое сердце
Звонко,
Звонко,
Звонко стучало.

Сказка седьмая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
ОТЫСКАЛ ВОЙСЛАВКУ**

Попрощался Томаш с народом
И покинул свою столицу.

Он идет по горам и долинам,
Посещает города Приморья,
Посещает горные селенья
И почует под открытым небом.

Пролетает весна голубая —
И лицо ему ласкает ветер;
Наступает жаркое лето —
Солнце щеки ему опалает;

Рощи трогает осень —
И тучи
Льют над ним холодные слезы;
А зима на Томашевы плечи
Надевает белую алину.

Томаш-странник весну вопрошает:
— Где, скажи мне, Змеиные горы?
Там Войславка моя томится. —
Голубая весна отвечает:
— Я вовеки там не бывала, —
Что мне делать в горах Змеиных?
Подожди до красного лета;
Быстролетное лето, быть может,
Знает путь в Змеиные горы. —

Дни проходят, весна улетает,
Томаш-странник лето вопрошает:
— Где, скажи мне, Змеиные горы?
Там Войславка моя тоскует. —
Отвечает лето:
— Не знаю,
Там вовеки я не бывало,
Но вдовица-осень говорила,
Что видала Змеиные горы.
Подожди до осени, Томаш,
Расспроси ее хорошенько.

Дни проходят, лето отцветает,
Томаш-странник осень вопрошает:

— Где, скажи мне, Змеиные горы?
Там скучает моя Войславка. —
Отвечает печальная осень:
— Я бывала в горах Змеиных,
А когда — не могу припомнить.
Помню только — там было тоскливо,
Даже я все время скучала,
Так скучала, что в дюдюкин¹ праздник
Навсегда улетела оттуда,
Так скучала, что и дорогу
Позабыла в Змеиные горы.
Скучно, скучно говорить об этом,
Скучно, скучно об этом слушать.
Скоро встретишь старуху-зиму,
Расспроси ее хорошенько. —

Пред снегами осень отступает,
Томаш-странник зиму вопрошает:
— Где, скажи мне, Змеиные горы?
Там Войславка моя сиротеет. —
Отвечает зима седая:
— Я гостила в горах Змеиных,
Даже мне там холодно было.
Как взяла я свой посох в руки
И сошла погреться в долину,
Так обратно и не вернулась.
Есть туда прямая дорога,
Да не всякий на нее решится,

¹ Д ю д ю к а — водяная ведьма.

Я в дороге этой поседела.
Ты минуй Разбойную рощу,
Обойди Паучье ущелье,
И увидишь Чумную реку,
За рекою — Змеиные горы,
Там Войславка твоя томится. —
Так сказала зима — и дохнула
Жгучей стужей Томашу в очи.
— Отправляйся, Томаш, на север;
Чем ты больше изведешь муки,
Тем скорее найдешь Войславку. —

Девять лет скитается Томаш
По земле, меняющей обличье
С каждым новым временем года.
И одежда его износилась,
И опанки его истоптались, —
Ходит он босиком, как нищий,
В жалком рубище, как побирושка.
Он дрожит на ветру январском,
И его загрубевшие ноги
Алой кровью землю пятнают.
Он питается корешками
Диких трав, замученных морозом,
И, царапая мерзлую землю,
Терпеливые ногти ломает.

Так, достигнув предела страданий,
Томаш навзничь упал, обессилов,
И заснул,

И горная вила
Лба его коснулась губами,
Обняла, прижимая к сердцу,
И шепнула тихонько:
— Тоша!

Мальчик мой, что ты сделал с собою?
Почему ты маму не покликнул,
Я б тебе помогла, когда бы
Твой призыв долетел до пещеры,
Где узнала я сладкую муку
Сиротливого материнства. —

Томаш-странник век не размыкает
И сквозь сон отвечает виле:
— Отнеси меня, мама-вила,
На крутые Змеиные горы, —
Там Войславка, моя невеста,
Проливает горючие слезы. —

Держит вила Томаша в объятьях,
Пролетает над Разбойной рощей,
Где растут не кусты, не деревья,
А живые ханджары да стрелы;
Пролетает с ношей драгоценной
Над бездонным Паучьим ущельем,
Где живут пауки-великаны,
Поджидающие добычу,
И оборванная паутина
Липнет к белым лицам убитых.
Пролетает над Чумной рекою,
Отравляющей воздух окрестный,

И слагает Томаша на камни
У подножья Змеиного кряжа.
— Оставляю тебя, мой мальчик,
Поручаю тебя удаче;
Охрани тебя меч зеленый
От болезней, горя и смерти. —
Так сказала вила и взлетела —
Тихим облачком, легким пухом;
След ее потерялся в небе.

Томаш встал и двинулся в горы,
Тяжело ступая по щебню
И хватаясь руками за сердце.
И ему на пути повстречался
Дикий кот со взъерошенной шерстью.
Подошел он к Томашу вплотную.
— Мяу! — ласково его обнюхал
И потрогал осторожной лапой. —
— Мяу, мяу!
Брат мой, кот захожий!
Не ходи в Змеиные горы, —
Там высокая Змеева крепость
Отражается в озере Медном,
Воды мертвые светятся тускло:
Нет у нас другого светила,
Солнце в княжество это невхоже.
Тайну крепости нашей холодной —
Белокурую пленницу Змея —
Стерегут ядовитые гады,
Охраняют ведьмы и дююки,

Берегут сосуны-вукодлакн ¹
И другие злые творенья.
Если им на глаза попадешься,
Змен в сердце тебя ужалят,
Вукодлакн, ведьмы и дюдюки
Долго будут играть тобою,
Как мышонком играют котята.
Мяу-мяу!
Я раб! Я убийца!
Мяу-мяу!
Я Кот-Колючка!
Счастлив ты, что нашего рода:
Был бы ты человеком —
Мяу!—
Я б тебя царапнул, царапнул! —

Томаш слушать его не хочет,
Вверх карабкается по скалам,
И ему дорогу преграждает
Сторож-тигр в лишаих и струпьях:
— Арр-гаррагра!
Мой брат нежданный,
Не ходи в Зменные горы,
Там гадюки тебя искусают,
Там дюдюки тебя защекочут.
Возвращайся обратно!
Гррарра!

¹ Вукодлак — сказочное злое существо, выходящее из могилы сосать живую кровь.

Я — Играющий черепами!
Грра-гррарра!
Я палач! Я секира!
Друг мой тигр, возвращайся обратно,
Не ходи в Зменные горы! —

Томаш слушать его не хочет,
Вверх карабкается по скалам,
Источающим серную влагу,
Обжигающую ладони.
И выходит ему навстречу
Третий сторож — лев черногривый
В золотой, измятой короне:
— Аррабарр!

Арраварр!

Аррагарра!

Храбрый лев, мой брат горделивый,
Не ходи в Зменные горы;
Я — правитель зверей — не смею
Взор поднять на Змееву крепость, —
Гады злобные вьются и жалят.
Стыдно мне: я смотрю на землю, —
Шаг ступить боюсь.

Аррадарра!

Я — гроза зверей! Стыд и горе!

Аррахарра!

Я — в униженьи!

Возвращайся, пока не поздно,
Друг мой, царь! Уходи отсюда! —

Томаш слушать его не хочет,
Вверх карабкается по скалам;
Облака на него ниспадают,
Вьются желтые космы тумана,
Оседая серной кислотой,
Изъязвляя Томашевы щеки.
Задыхаясь, теряя сознание
И хватая воздух руками,
Пробивается Томаш сквозь тучу
И выходит на чистый воздух.

Под ногами туманы клубятся,
Впереди — вершина крутая,
На вершине, как месяц бледный,
Как виденье над морем пустынным,
Открывается Змеева крепость:
Возвышаются стены, колеблясь,
Поминутно меняя форму;
Башни зыблются, как живые,
Окна движутся, словно жабры,
И дрожат водосточные трубы,
Обнаженным венам подобно...

Нет владельца в крепости горной:
Он покинул мрачные утесы
И сгорел в колдовской корзине,
Побежденный детинским владыкой.
Ждет хозяина экономка —
Ведьма, старая, как мирозданье.
Обтрепались ведьмины крылья,

И торчат за ее плечами
Только длинные голые ости,
Точно ребра зонта без покрывки.
Не угнаться ей за молодыми,
Трудно ведьме опекать хозяйство, —
Под ее постоянным наблюденьем
Целый птичник:
Индюк да филин.
Да еще приходится возиться
С бешеной собакой, для которой
Корму никогда не напасешься,
С кабаном — одноглазым лихом,
Недотрогой с двумя ногами —
Правой задней и левой передней.
В подчиненьи у старой — повар,
Слон без хобота, лежебока,
По прозванью Сонная одурь,
Дармояд без правого бивня.
Он всегда пересолит жаркое,
Разобьет что-нибудь из посуды,
А потом ее же ругает:
«Ты сама виновата, ведьма!
Ты сама виновата, старуха!»

Идет хозяина верная стража —
Крепостные дозорные-змеи
В панцырях из раковинок малых,
В шапках с перышками золотыми.
В этих латах змеи похожи
На бродячих нищенок-улиток,

Эти перышки у змей на шапках —
Чуткий орган шестого чувства.
Охраняют озеро гадюки —
Мрачное, подернутое тиной;
Стерегут зловонную воду,
Золотыми перышками чуют
Чью-то поступь, чье-то дыханье,
Но пришельца не могут увидеть.

Осторожно минуя дозорных,
Томаш-странник вступает в крепость.

Белый шелк шелестит чуть слышно,
Нет на бледном лице улыбки:
На прогулку выводят Войславку
Вукодлаки, ведьмы и дюдюки,
На скамью костяную сажают,
Окружают тесной толпою,
И над ними, как выцветший бисер,
Листья мелкие шевелятся:
Это дерево — Бледная немочь —
До Войславки дотронуться хочет.

Песня, которую пели в Зменных горах ведьмы,
дюдюки и вукодлаки

Дождик редкий,
Мокрые ветки,
Птица томится в клетке.

Рейте седыми туманами,
Ведьмины косы,

Пусть покрываются ранами
Лица прохожих.
Топайте, топайте, топайте,
Резвые ноги,
Хлопайте, хлопайте, хлопайте,
Крылья дюдюки!

Дождик редкий,

Мокрые ветки,

Птица томится в клетке.

Весело нам с вукодлаками

Шарить в болоте,

Чтобы кусочек нолакомей

Ведьмам достался.

Реют, играя с туманами,

Змей и дюдюка;

С нами дружи, окаянными,

Пленная птичка!

Дождик редкий,

Мокрые ветки,

Птица томится в клетке.

Увидала Томаша Войславка,

Со скамьи привстала

И всплеснула

Бледными, почти что голубыми,

Ослабевшими в тюрьме руками:

— Томаш, Томаш! О, мое спасенье,

Я тебя в гробнице полюбила,

Томаш, выведи меня отсюда! —

Замер старый вукодлак, увидев
Двойника своего перед собою.
Рот пунцовый раскрыл, как рыба,
Повалился наземь и лопнул.
Ведьма старая, глаза прищурив,
Поглядела на пришлую ведьму,
Распрямила остатки крыльев,
Лопоча, на стену взлетела
И покинула Змееву крепость.
По воде побежала дюдюка:
Шлеп-шлеп-шлеп!
А другие — за нею.
Второпях вукодлаки бежали,
Завернувшись в свои одеяла.
Словно куры, взлетали ведьмы,
И дюдючьи огромные ноги
По воде вонючей стучали.

Змеи слышат смятенье и свищут,
Поднимая скользкие шеи,
Открывая черные пасти.
И кривые змеиные зубы
Источают на землю зелень.

На скамейке стоит Войславка,
Подбирая белое платье.
— Что ты медлишь? Сожги волосинку,
Чтобы сгнула змеева стража! —
Томаш волос нашел в кармане,
О кремень ударил кресалом,

Высек искру, —
Змеинный волос
Вспыхнул, точно порох,
И тут же
Змеи латы свои уронили,
Потеряли круглые шапки
И свились, как тугие звенья
Медной цепи, тяжелой и длинной.
Наклонился Томаш над цепью,
Взял ее за конец и поднял,
Размахнулся и в озеро бросил, —
Цепь, звеня, на дно полетела.

Томаш снял со скамейки Войславку,
Заглянул в глаза голубые —
И увидел в них тайные дали,
Незабудки, далекое море
И широкое вольное небо,
Несравненное, вольное небо,
Все в созвездьях, ближе которых
Ничего не бывало на свете.
И воскликнул, смеясь и плача:
— О, Войславка! Войславка! Войславка! —
И она ответила:
— Томаш!

Сказка восьмая

**О ТОМ,
КАК ТОМАШ СТАРШИЙ
ВОЗВРАТИЛСЯ
В ЦЕТИНЬЕ**

Озарилось рассветное небо,
И впервые над крепостью древней
Поднялось благодатное солнце.
И на склонах Змеиного кряжа
Появились вешние побеги,
Разрастаясь травой и цветами.

Отвердели зыбкие камни,
Перестали дышать по-рыбьи;
Белый мрамор стен величавых
Озарился розовым светом,
Словно бледные щеки румянцем.

И запели шумные птицы
На деревьях, выросших за ночь.
Голуби над крышей закружились,
Засвистели ласточки у башен.

Белый мрамор на солнце сияет,
Окна замка затянуты шелком.
Под окошками — кипарисы,
Кедры, туи, платаны и сосны.
И бежит ручей, извиваясь
И теряясь в озере Медном.
А внизу голубеет долина,
За долиной — холмы и горы,
Море дальнее за горами...

Томаш смотрит с поднебесной башни,
Видит землю от края до края;
Жалко Томашу крепость оставить
Вукодлакам, дюдюкам и ведьмам,
И зовет он жену молодую:
— Погляди отсюда, Войславка,
Погляди на привольную землю! —
И Войславка узнать не может
Изменившейся чудом природы.
Простирает прекрасные руки
Над горой, долиной и морем.
— Мы останемся тут, мой Томаш,
Здесь мы будем любить друг друга,
Нас в горах никто не обидит,
Хватит здесь простора для сердца! —

Отвечает Войславке Томаш:
— Что же будет с моим народом?
Он, быть может, меня вспоминает.
Я не властен забыть Цетинье:
Мне комок земли драгоценной
Ты сама подарила на счастье.
Я разрушу Змееву крепость,
Чтобы ведьмы да вукодлаки
Больше здесь не могли собираться. —
И сказала Войславка:
— Не надо
Разрушать высокую крепость,
Пусть она в горах остается
И послужит приютом скитальцам,
Путешественникам и юнакам,
Что на кряже охотиться будут.
Есть огнище на ведьминой кухне,
На него, чтобы душно было,
В пламя лили прованское масло,
Чад зловонный столбом подымался.
Если хочешь, разрушим огнище,
Чтоб лишить его силы опасной —
Ведьм притягивать издалека.
Опустела Змеева крепость,
Вся прислуга из кухни бежала,
А вчера еще слон неуклюжий
Целый день хлопотал на кухне.
Я слыхала его бормотанье,
Порождавшее сытные блюда.
Он стоял в переднике белом,

Повторяя одно и то же:

«Я сыча покличу,

У сыча-

Богача

Утащу добычу,

От добычи — золото,

Золото червонное.

Что хочу —

Вскипячу,

Слава нашему сычу!»

Так промолвит и скажет: «Мясо!» —

В котелке задымится жаркое.

Побормочет и скажет: «Рыба!» —

Котелок наполняется рыбой.

Тот, кто эти слова простые

Может выговорить без запинки,

Кто таким котелком владеет, —

Никогда голодать не будет,

Даже если б на звезды забрался.

Вот какой котелок послушный,

Что захочешь, то и приготовит.

Мы его захватим с собою,

Он в дороге нам пригодится.

Посмотри, как я исхудала, —

Слишком плохо в крепости кормили, —

Мне поправиться надо немножко! —

И они спустились на кухню,

Где скреблись голодные мыши,

Подбирая последние крошки.

И железными кочергами
Ведьмино разрушили огнище.
Взяли медный котелок с собою
И оттуда, с черного хода,
По ступенькам вышли на воздух.

Подожгли они третий по счету
И последний змеиный волос.
Но не вспыхнул последний волос,
А бревном золотым растянулся,
Обернулся крылатым бочонком,
Обозначились круглые окна,
Отворилась маленькая дверца,
Очутились Войславка и Томаш
За дверями в комнатке волшебной,
Устланной пушистыми коврами.
Поднялись в небеса павлиньи,
Где, как сабли, молнии сияли,
Где, как трубы, рокотали громы,
Где пылали падучие звезды.

День летят, неделю и месяц,
Котелок им обед готовит.
Путешествует Томаш с Войславкой
Третий месяц,
Шестой
И девятый.
А под ними — земля, как на блюде,
Горы крошечные,

Долины —
Муравьиных дорожек не шире.
И родимое светлое море,
Голубое — Ядранское море...

От окна оторваться не в силах,
Томаш смотрит на милую землю.
— О, Войславка, я вижу Цетинье!
Вот река, вот стена городская,
Вот мой новый дворец, что юнаки
Для тебя и меня воздвигли! —

Почитая Томаша мертвым,
У дворца собрались черногорцы,
Чтоб владыку избрать всенародно.
Говорят юнаки друг другу:
— Для кого мы ломали скалы,
Для кого мы дворец возводили?
Томаш мудрый сошел в могилу,
А всегда нам казался бессмертным. —

И увидел народ черногорский
Диво дивное, домик летучий.
И воскликнул один из народа:
— Поглядите, вот кит небесный! —
А другой сказал:
— Это призрак,
Предвещающий землетрясение.
— Это солнце, — промолвил третий, —
Посылает на землю сына. —

Опустился летучий домик,
Отворилась маленькая дверца,
Появились Томаш и Войславка.
Черногорцы узнали владыку,
Черногория хором запела:
— Славься, Томаш, с малыми — малый! —

А Войславку в опочивальню
Увели повивальные бабки,
И она родила младенца —
Синеглазого мальчика Тошу.

И от радости Томаш Старший
Разыгрался, как малый ребенок.
Все никак не может уняться.
Шутит шутки, юнаков целует,
По дворцовым палатам ходит
И в раскрытые настезь окна
Золотые дехины бросает, —
Щедрый ливень блещет на солнце:
— Томаш Томашевич родился,
Вилин внучек, новый дыганенок! —
А когда на руках у кормилиц
Он увидел дитяню в пеленках,
Голова его закружилась
От невыносимого счастья.
Тут уж распоясался владыка
И комок земли черногорской,
Сердце нашей земли черногорской,
Это яблоко золотое,

Бьющееся, теплое на ощупь, —
Уронил из-за пазухи на пол.
И оно под скамью закатилось,
Провалилось в мышиную норку.
Не покликал Томаш юнаков,
Не велел им сорвать половицы,
Не велел отыскать комочек,
Позабыл о яблоке Томаш.

Привели к нему брадобрея,
Томаш сел у зеркала бриться.
Брадобрей, хоть не змей по рождению,
Все же был зменного рода.
Взбил он в чашечке мыльную пену
И, почтительно изогнувшись,
Щеки Томашу густо намылил.
Отошел на шаг от владыки
И направил широкую бритву
На зеленой змеиной коже.
Шаркнул ножкой, локоть приподнял,
Брить под горлом Томаша начал.
Как блеснула быстрая бритва,
Острием повернулась к горлу,
Охнул Томаш — и захлебнулся...
Тут ему и смерть приключилась.

И со стен его опочивальни
Сорвалось Илино оружие,
Полетело на туманный Ловчен,
В неизвестной пещере скрылось...

А когда хоронили владыку,
Шли за гробом серебряным вилы,
Утешая вдову молодую;
Шли юнаки, опустив забрала;
Шел, рыдая, народ черногорский;
Шло зверье из далекой Медуны;
Щебетали птицы над гробом,
И бежал, спотыкаясь о камни,
За другими не попевая,
Человечек в парчовом йелеке,
Ростом взрослому по колено.
И за ним, шелестя, волочилась
Борода его золотая,
Золотая борода, золотая...

Томашеву имени —

Слава!

Томашевой памяти —

Слава!

И да будут всегда между нами

Лад и мир, веселье и дружба.

Для среднего возраста

Редактор Д. И. Чевычелов. Корректор Н. П. Григорова. Книга подписана к печати 23/II 1945 г. Тираж 30.000 (второй завод 11-25.000) Печ. лист. 3 $\frac{1}{2}$. Авт. л. 4 $\frac{1}{2}$. Тип. зн. в 1 печ. л. 48850. Заказ № 3037. М—00377. Типография № 9 Управления издательств и полиграфии при Исполкоме Ленгорсовета.

